

В. А. Зверев

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Опубликовано: *Зверев, В. А.* О начальном этапе модернизации и дезорганизации образа жизни восточнославянского населения Сибири / В. А. Зверев // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур* : тез. Междунар. науч. конф. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 1995. – Т. 2 : Археология. Этнография. – С. 117–120.

Сложилось так, что даже в исторической этнологии на первый план еще не вышло исследование исторической динамики этносоциальных процессов: условий и факторов, тенденций, этапов, формы и способов, перспективы этих процессов. Для русской и восточнославянской этнографии особенно актуально осмысление тех грандиозных и противоречивых изменений, что происходили в России и ее крупнейших регионах за последние 100–140 лет.

С нашей точки зрения, для эпохи второй половины XIX – XX в., когда этапы естественной эволюции и осторожного реформирования общественных систем чередовались с периодами их искусственного консервирования, радикального разрушения либо произвольного конструирования, характерно сочетание двух основных процессов: во-первых, модернизации и, во-вторых, дезорганизации культуры и образа жизни восточнославянских народов на всей обширной территории их расселения, включающей и центральную полосу Сибири. Думается, что обе названные тенденции в той или иной мере проявились также в истории аборигенных народов Сибири.

В настоящем сообщении рассматривается хронологический период второй половины XIX – начала XX в., который можно считать начальным в истории комбинированного проявления модернизации и дезорганизации. В центре внимания – именно **образ жизни**. Под таковым мы подразумеваем в данном случае детерминированную, с одной стороны, совокупностью внешних конкретно-исторических условий жизни, а с другой – качествами, присущими самим социальным субъектам, систему типичных и биологически ненаследуемых форм жизненной активности восточнославянских субэтносов и этнографических групп. В структуре образа жизни мы выделяем следующие поведенческие сферы: 1) самовоспроизводство коллективного субъекта жизни – физическое (возобновление поколений в ходе демографического поведения) и социокультурное (усилия по социализации молодых поколений и стабилизации внутрисубъектных социальных и культурных структур); 2) воспроизводство условий жизни – природных (хозяйственная деятельность),

общественных (социальная активность), информационных (познавательная активность) и субъективно-психологических (общение).

Наши исследования, работы других историков и этнологов показывают, что со второй половины XIX в. в обстановке гораздо более динамичного, чем в предшествующую эпоху, развития общества и информации, нарастающих деформаций ряда компонентов природно-географической среды активизировались изменения в индивидуальном и коллективном, в том числе этническом мировосприятии, в этносоциальной психологии сибиряков. Содержание многих культурных – трудовых, этических и эстетических, брачно-семейных, обычно-правовых, народно-педагогических, санитарно-гигиенических и иных норм объективно устаревало, что осознавалось все более многочисленными группами населения. Значение устаревших норм в регулировании поведения неуклонно падало.

Модернизацию образа жизни мы понимаем как переход от сложившейся ранее традиционной (крестьянской, доиндустриальной) системы поведения по устойчивым образцам, передававшимся от поколений предков к потомкам вне критического осмысления, к модернизированной («современной», рациональной) модели поведения, основанной на сознательном конструировании поступков исходя из индивидуальной или групповой оценки актуальных потребностей, наличных субъективных возможностей состояния объективной ситуации. В конце XIX – начале XX в. традиционная система продолжала в целом доминировать в образе жизни славян-сибиряков, но начался ее дрейф в сторону современности.

Переход происходил на этом этапе путем внедрения в структуру традиций или в «зазор» между ними серии инноваций, призванных обеспечить новатору преимущества в формирующейся конкурентной общественной обстановке. Непосредственно в **зону инновационного поведения** было втянуто сравнительно небольшое число людей, причем преимущественно молодых, сформировавшихся в новых условиях, более образованных, имевших сравнительно широкий круг общения вне традиционной среды – во время обучения в школе, службы в вооруженных силах, производственного отходничества и т. д. В хозяйственной деятельности инновации заключались в выведении и применении улучшенных сортов семян и пород животных, в распространении новых промыслов, внедрении нетрадиционных технологий. В сфере общественного поведения начало XX в. ознаменовано переориентацией людей с абсолютистско-монархической на более демократическую модель государства, их участием в выработке проектов сибирского земства и т. п. Познавательная активность все чаще заключала в себя участие в исследовательской и опытнической деятельности различных научных учреждений и обществ, стремление приобщиться к достижениям науки путем чтения специальной

литературы, участия в сельскохозяйственных выставках и по другим нетрадиционным каналам. В области демографического поведения инновациями мы считаем стремление вступать в брак не по решению родителей, а по взаимной симпатии и в оптимальном возрасте, выделиться молодым супругам из патриархического родительского двора и строить собственную семью на эгалитарной основе, попытки регулировать рождаемость в браке, обращение сельских жителей за необходимой помощью к медицинским работникам, за лечебными средствами в аптеки. В социализирующей деятельности – стремление дать детям хотя бы первоначальное школьное образование, у грамотных – формировать и расширять круг чтения за счет хорошей литературы различных жанров.

Проявления модернизации демографического и социализирующего поведения русского крестьянства и казачества в 1861–1917 гг. подробно анализируются в нашей монографии «Дети – отцам замена» (Новосибирск, 1993). В этой же книге показано, что огромные усилия сибиряков по физическому развитию, образованию и воспитанию детей в конце XIX – начале XX в. далеко не всегда приводили к ожидаемым результатам. Даже в селениях распространялись антисоциальные проявления отклоняющегося поведения подростков и молодежи: пьянство, хулиганство, аморальные и криминальные поступки. Во всех прочих сферах образа жизни тоже накапливались глубокие негативные явления, свидетельствующие о том, что модернизация сопровождалась и затруднялась сильными дезорганизующими тенденциями.

Под **дезорганизацией образа жизни** мы подразумеваем в данном случае процесс разбалансирования и затем разрушения связей внутри традиционной структуры поведения, утрату необходимых элементов этой структуры без их замещения равноценными элементами модернизированного типа, выполняющими насущные функции.

В определенной мере дезорганизация является побочным продуктом модернизации: когда одна система себя уже изжила, а другая еще не вполне пришла ей на замену, неизбежно распространение разрушительных тенденций. Однако в данном случае действовали и дополнительные, собственно дезорганизующие факторы, выглядящие по-разному в свете различных научных концепций. Давно отмечена непоследовательность и противоречивость проводившихся в России с 1861 г. реформ (в Сибири они проводились еще позже и лишь частично), не обеспечивавших необходимого тогда консервативно-либерального синтеза. Некоторые ученые и публицисты указывают на неорганическую для евразийского сообщества направленность реформ: внедрение западноевропейских стандартов культуры и образа жизни вело не столько к эволюции, сколько к деформации и слому общественного сознания, культурных программ поведения восточных славян. Следует также обратить внимание на то, что рыночная модернизация в России сопровождалась не

столько фермеризацией, сколько пролетаризацией и пауперизацией значительной части национального сообщества – крестьянской, а «исход из крестьянства в бедность» не мог не разрушать нормальную жизнь.

Выделим лишь важнейшие проявления дезорганизации образа жизни восточнославянского населения Сибири. В области экономического поведения это неспособность части хозяев и лиц, утративших средства производства, заниматься продуктивным производством, рост прослойки люмпенов, особенно в городах. В общественном поведении бросается в глаза непризнание авторитета институтов власти и самоуправления, массовое участие населения в «бунташных» выступлениях 1905–1907 гг., затем – в экстремистских акциях периода Первой мировой войны (пьяные бунты призывников в августе 1914 г.), революций 1917 г. и Гражданской войны. Все более частые сбои давала система воспитания и образования молодого поколения, даже будучи дополнена новыми институтами типа официальных школ, о чем уже было сказано выше.

Из политических катаклизмов начала XX в. славянские народы России, их сибирские региональные группы вышли в состоянии, когда начавшаяся несколькими десятилетиями ранее в целом прогрессивная модернизация культуры и образа жизни затруднялась и в ряде секторов блокировалась проявлениями дезорганизации. Большой научный интерес, на наш взгляд, представляет изучение особенностей и сочетания модернизационных и дезорганизационных процессов и на раннем, и на последующих этапах **в конкретной этнической среде** русских, украинцев, белорусов Сибири, а также якутов, бурят, татар и других аборигенных народов.